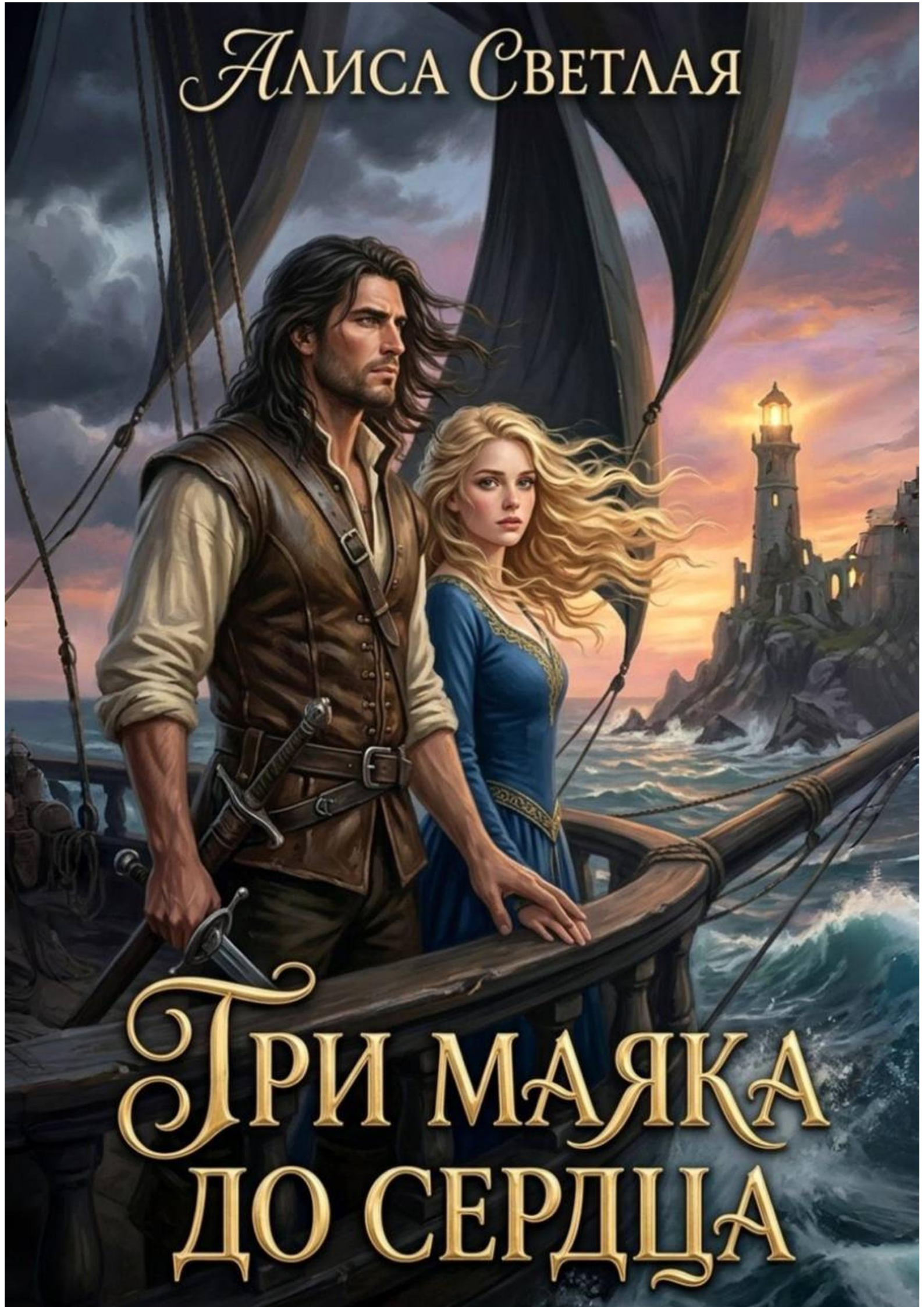

АЛИСА СВЕТАЛАЯ

Три маяка
до сердца

Алиса Светлая

Три маяка до Сердца

«Автор»

2026

Светлая А.

Три маяка до Сердца / А. Светлая — «Автор», 2026

Что делать принцессе, если её хотят выдать замуж за жестокого интригана? Бежать! Даже если для этого придётся спрятаться в трюме торгового судна. Даже если это судно возьмут на abordаж пираты. Даже если их капитан смотрит так, будто видит насквозь. Александра надеялась найти свободу, а нашла приключения, опасности и тайну, которая старше, чем само море. От автора: Три маяка до Сердца — история о том, что дом — это не место, а люди. И о том, что настоящая магия прячется не в древних руинах, а в сердце.

© Светлая А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Алиса Светлая

Три маяка до Сердца

Глава 1

Солнце над Южным королевством вставало рано и жадно — к полудню белый камень дворца нагревался так, что босые пятки служанок начинали гореть даже через тонкие подошвы туфель.

Александра любила это время. Час после рассвета, когда море ещё дышит ночной прохладой, а небо из персикового становится голубым, принадлежал только ей.

Она стояла на балконе своих покоев и смотрела на порт. Отсюда, с высоты восточной башни, корабли казались игрушечными, но она знала каждый по имени. Вон тот, с алыми парусами, пришёл с Островов Пряностей третьего дня. Рядом — тяжёлый неф с зерном из Северных земель. А дальше, у самого горизонта, она разглядела знакомый силуэт дау — юркого, как рыба, с треугольными парусами, что ходят и против ветра. Такие строили только на верфях её родины.

— Ваше высочество.

Голос камеристки разрушил тишину, но Александра не обернулась.

— Я же просила. Пока солнце не поднимется над маяком — меня нет.

— Леди Изольда велела напомнить о том, что сегодня примерка подвенечного платья.

Александра прикрыла глаза.

Подвенечное платье...

Четвёртая примерка за две недели. Кружево с севера, жемчуг с востока, шёлк, который везли полгода и за который отдали столько золота, сколько весит хороший боевой конь. А ей было всё равно. Она не хотела это платье. Она не хотела эту свадьбу.

— Передай леди Изольде, что я спущусь через полчаса.

Камеристка поклонилась и исчезла. Александра ещё раз взглянула на порт, на дау, который уже поднял паруса и уходил в открытое море, и вздохнула.

Когда-то давно, ещё до того, как умерла мать, отец брал её с собой на верфи. Она помнила запах смолы и свежей древесины, помнила, как корабельщики кланялись королю, а потом подмигивали маленькой принцессе, которая задавала слишком много вопросов. «Почему у этого корабля паруса треугольные, а у того — прямые?», «А что будет, если ветер переменится?», «А можно я потрогаю штурвал?»

Отец тогда смеялся. Теперь он не смеялся. Он умирал.

Болезнь пришла год назад — медленная, неумолимая, как прилив, что затапливает песок. Лучшие лекари королевства разводили руками. Жрецы молились. Алхимики варили зелья, от которых королю становилось то лучше, то хуже, но никогда — хорошо. Король таял, и вместе с ним таяла власть. Советники уже делили то, что осталось. А её, Александру, делили как часть наследства.

Лоренцо был выгодной партией. Старший сын герцога Винченцо, чьи земли лежали к северу от столицы. Богат, знатен, хорош собой — так говорили все.

«Тебе повезло», — шептала тётушка, поправляя ей фату на смотринах: «Такой мужчина! Такой союз! Король будет спокоен за будущее королевства».

Александра тогда промолчала, потому что уже поняла: её мнения никто не спрашивает.

За последний месяц она видела Лоренцо дважды. Первый раз — на официальном представлении, когда он поцеловал ей руку и сказал что-то про честь и счастье. Второй раз — на

ужине, где он говорил только с её отцом и советниками, а ей улыбался так, как улыбаются вазе в углу комнаты: красивая, пусть стоит.

Он не спросил, что она любит читать. Не спросил, о чём она мечтает. Не заметил, что она знает семь языков и может отличить аркхейнский от санскрита. Понятия не имел о том, что юная принцесса смогла бы провести корабль по звёздам не хуже любого капитана. Потому что ему всё это было не интересно. Ему нужна была корона, которая достанется девушке после смерти отца. И больше ничего.

Александра отошла от балкона и подошла к зеркалу. Оттуда на неё смотрела принцесса — бледная, с длинными светлыми волосами, которые камеристка уже начала укладывать в сложную причёску. Светлое платье, расшитый лиф, золотая цепочка с кулоном — семейным гербом, который она не снимала никогда. Герб Южного королевства: дельфин, пронзающий волну.

— Ваше высочество, вы опоздаете.

— Иду.

Александра вышла в коридор, и стража вытянулась по струнке. Каблуки застучали по мрамору — размеренно, как метроном. Принцесса идёт. Принцесса улыбается. Принцесса не показывает, что внутри у неё всё сжимается в тугий узел.

Примерка прошла как в тумане. Платье было великолепно — она видела это по лицам швей, и по тому, как ахала леди Изольда. Но сама девушка чувствовала себя манекеном. Стой так. Подними руки. Повернись. Не дыши. Настоящая фарфоровая кукла.

— Его светлость просил передать, что зайдёт сегодня вечером, — проворковала леди Изольда, когда с платьем было покончено. — После совета. Сказал, что хочет видеть свою невесту.

Свою невесту... Александра натянула улыбку.

— Я буду ждать.

И она действительно ждала, но не в своих покоях.

Когда солнце село и дворец погрузился в вечерние сумерки, Александра накинула на плечи тёмную шаль и выскользнула в коридор. Ей хотелось увидеть Лоренцо до того, как он войдёт в её гостиную с дежурным букетом и дежурным комплиментом. Ей хотелось понять, кто он. Настоящий.

Крыло, где разместили жениха, находилось в западной части дворца. Когда-то там жила её мать — королева Изабелла, которую Александра помнила смутно, как сон: запах лаванды, тихий смех, прохладные руки на лбу, когда болела. После смерти королевы это крыло пустовало. Теперь там поселился Лоренцо со своей свитой.

Дверь в его покои была приоткрыта.

Александра хотела постучать или окликнуть, но голос внутри — женский голос — заставил её замереть.

— Ты обещал, Лоренцо. Ты обещал, что после свадьбы всё изменится.

— И я сдержу слово, дорогая. Ты же знаешь: этот брак — чистая политика. Старик умрёт через полгода, корона перейдёт к ней, а от неё ко мне. И тогда мы всё устроим.

— А она? Ты говорил, она умна. Вдруг начнёт задавать вопросы?

Лоренцо рассмеялся. От этого смеха у Александры похолодели пальцы.

— Принцесса? Умна? Она читает книжки, дорогая. Знает мёртвые языки. Думаешь, это поможет ей, когда муж объявит её безумной? А я объявлю. Через полгода после свадьбы она отправится в монастырь Святой Агнессы — знаешь, тот, где держат душевнобольных. Совет утвердит. Я найду нужных людей, нужные свидетельства. Скажут — наследственность. У её матери, говорят, тоже было слабое здоровье. Никто не удивится.

— А если она будет сопротивляться?

— Сопротивляться? Кому? Мне? — Он снова усмехнулся. — Она же фарфоровая кукла, Бьянка. Ты видела её лицо? Она боится и будет делать то, что я скажу, а если нет — тем хуже для неё. Монастырь Святой Агнессы ещё никого не выпускал.

Александра отступила от двери.

В висках стучало. В горле стоял ком. Она не заплакала, но не потому, что не хотелось, а потому, что страх оказался сильнее слёз. Холодный, липкий ужас, который поднимался откуда-то из живота и заполнял грудь.

Девушка не помнила, как дошла до своих покоев. Не помнила, как села на кровать. Помнила только, как в голове билась одна мысль: «Он меня уничтожит».

Монастырь Святой Агнессы. Принцесса знала это место. Туда отправляли тех, кого королевство хотело забыть: неугодных жён, мятежных сестёр, слишком умных дочерей. Оттуда не возвращались. Оттуда даже вестей не приходило.

И её мать. Лоренцо сказал — «у её матери тоже было слабое здоровье». Но мать умерла от лихорадки. Разве нет?

Александра сжала кулон на груди.

Она не знала, сколько просидела так — минуту, час, вечность. Но когда в дверь постучали и голос камеристки сообщил, что его светлость герцог Лоренцо ожидает в гостиной, она уже приняла решение.

— Передай его светлости, что я неважно себя чувствую, — сказала она спокойным, почти безжизненным голосом. — Мигрень. Прошу простить.

— Ваше высочество, может быть, послать за лекарем?

— Не нужно. Просто дайте мне отвар и оставьте одну.

Камеристка поклонилась и вышла. Александра дождалась, пока шаги стихнут, и встала.

У неё было три часа до того, как дворец уснёт. Три часа, чтобы сделать то, что она обдумывала уже давно — просто боялась себе признаться.

Из потайного ящика в изголовье кровати она достала флакон с сонным зельем. Купила три месяца назад у алхимика в порту — сказала, что для больной служанки. Служанки не было, но был план.

Из второго ящика — пропуск. Его она выписала себе сама, подделав отцовскую подпись. Месяц тренировалась на старых указах. Получилось почти идеально — только самый дотошный писец заметил бы разницу.

Платье служанки ждало в сундуке под кроватью. Простое, тёмное, из грубого льна — она выменяла его у прачки на свой старый плащ. Прачка удивилась, но лишних вопросов задавать не стала.

Александра переоделась быстро. Сняла с шеи цепочку с гербом, спрятала под ткань. Волосы убрала под косынку. Посмотрела в зеркало. Оттуда смотрела уже не принцесса, а девушка, которой больше нечего терять.

Сонное зелье она вылила в кувшин с вином, который по традиции ставили в караульной у дверей восточного крыла. Через полчаса стражник будет спать крепче, чем после трёх кружек портового рома. Ещё через полчаса беглянка выскользнет из дворца через чёрный ход, который знала с детства — тот, которым пользовались кухарки и прачки. Пройдёт через сад, через задние ворота, выйдет к порту.

А там — торговое судно, которое отплывает с рассветом. «Морской Конёк». Она посмотрела его ещё неделю назад, когда поняла, что план может сработать. Капитан не задавал вопросов, когда она покупала место в трюме — только хмыкнул и взял серебро. Служанка, бегущая от хозяев. Обычное дело.

К утру её начнут искать, но к тому времени она уже исчезнет. Растворится в море, как утренний туман.

Александра подошла к балкону в последний раз. Порт спал. Маяк на входе в бухту мигал размеренно — раз в три удара сердца. Корабли покачивались на волнах. Тот дау с треугольными парусами всё ещё стоял у дальнего причала.

Она не знала, куда он пойдёт завтра. Может быть, на юг, к Островам. Может быть, на север. Может быть, в те земли, которых нет на картах.

Она знала только одно: она туда не попадёт.

Но она попадёт на другое судно. И оно увезёт её прочь от этого дворца, от этого платья и от человека, который планировал запереть её в монастырь для безумных.

«Прощай, золотая клетка».

«Прощай, отец».

«Прощай, Лоренцо. Надеюсь, твоя Бьянка стоит того, чтобы потерять корону».

Александра задула свечу и шагнула в темноту коридора.

Глава 2

Коридор восточного крыла встретил её тишиной — той особенной, глубокой тишиной, какая бывает во дворце лишь за час до рассвета. Даже мыши не скреблись, и факелы на стенах, казалось, горели тише обычного, отбрасывая на камень робкие, дрожащие тени.

Александра шла быстро, но без суеты. Она хорошо усвоила главный урок придворной жизни: тот, кто спешит, привлекает внимание. Тот, кто крадётся, вызывает подозрения. А вот тот, кто идёт спокойно и ровно, будто имеет полное право здесь находиться, — невидим.

У двери караульной она остановилась. Прислушалась.

Тишина.

Осторожно приоткрыла створку. Стражник спал, уронив голову на скрещенные руки. Кувшин с вином, куда она вылила сонное зелье, стоял почти пустой.

Молодец, стражник. Хороший аппетит.

Девушка бесшумно прикрыла дверь и двинулась дальше.

Чёрный ход, которым пользовалась прислуга, находился в конце коридора, за старой кладовой. Про эту дверь мало кто помнил — даже среди слуг. Александра нашла её ещё в детстве, когда играла в прятки с кузеном.

Узкая каменная лестница вела вниз, в хозяйственный двор, а оттуда через сад можно было выйти к задним воротам. Ключ от ворот она стащила ещё неделю назад. Просто взяла со связки у старшего конюха, когда тот отвернулся. Сделала слепок из воска. Заказала дубликат у портowego слесаря, заплатив вдвое больше обычного — за молчание.

Слесарь не спросил, зачем принцессе ключ от чёрного хода. Слесари вообще редко задают вопросы. Особенно когда им платят золотом.

Лестница пахла сыростью и старым деревом. Ступени стёрлись от тысяч шагов — поколения кухарок и прачек ходили здесь, невидимые и неслышимые, как муравьи. Сейчас одной из них станет принцесса. Навсегда.

Ночь встретила её прохладой. Сад спал. Кипарисы стояли чёрными свечами на фоне звёздного неба. Белые розы, которые так любила мама, светились в темноте, будто маленькие луны.

Александра на секунду остановилась. Мама...

Лоренцо сказал: «У её матери было слабое здоровье».

Что это значило? Что мать не умерла от лихорадки? Что её тоже убрали? Или он просто лгал, чтобы сделать свою угрозу весомее?

Разбираться было некогда, поэтому девушка тряхнула головой и пошла дальше.

Задние ворота поддались с тихим скрипом. Александра выскользнула наружу, прикрыла створку, вставила ключ с обратной стороны, заперла. Теперь, даже если хватятся раньше времени, они будут искать её внутри. А она уже снаружи.

Порт встречал её запахом рыбы, соли и гниющих водорослей. После стерильной чистоты дворца это пахло свободой.

Улицы были пусты. Только пьяный матрос спал у стены таверны, да пара бездомных собак лениво рылась в куче мусора. Никто не обратил внимания на невысокую девушку в платье служанки, которая быстро шла к дальнему причалу, придерживая на плече тощий узелок.

В этом узелке было всё её богатство. Смена белья. Флакон с остатками сонного зелья. Краюха хлеба. Маленький кинжал, который она взяла из отцовской оружейной — не столько для защиты, сколько для уверенности. И книга. Одна-единственная — «Легенды Мёртвых Морей» на аркхейнском, которую она читала с детства.

Глупо тащить с собой книгу в новую жизнь? Возможно. Но это была её книга, и принцесса не собиралась оставлять её Лоренцо.

«Морской Конёк» стоял там, где Александра и рассчитывала, — у четвёртого причала. Небольшой торговый бриг, два паруса, облезшая краска на борту. Капитан — пожилой, с обветренным лицом и прокуренными усами — уже командовал погрузкой. Увидев Александру, он хмыкнул:

— Не передумала, стало быть.

— Нет.

— Ну, дело твоё. Трюм вон там. Только учти: в море болтает. Если укачает — за борт не свешивайся, смоешься. Ведро дам.

Александра кивнула и полезла в трюм.

Это было низкое, тёмное помещение, заставленное ящиками с товаром. Пахло деревом, пряностями и крысами. Она нашла свободный угол, расстелила на полу старый мешок и села, обхватив колени руками.

Сейчас, когда бег позади и адреналин начал отступать, на смену ему пришла усталость. Тяжёлая, как свинец. Александра закрыла глаза.

И всё равно не заснула.

Перед глазами стояло лицо Лоренцо — красивое, холёное, с холодной усмешкой. И его голос: «Монастырь Святой Агнессы ещё никого не выпускал».

Интересно, сколько времени пройдёт, прежде чем он поймёт, что невеста исчезла? Час? Два? Может быть, утром, когда камеристка войдёт в пустую спальню и увидит неразобранную постель? Поднимут тревогу. Пошлют гонцов. Начнут прочёсывать порт.

Но к тому времени «Морской Конёк» будет уже далеко в море.

Александра сжала кулон под платьем. Мамин кулон: дельфин, пронзающий волну. Единственное, что осталось от женщины, которую она почти не помнила, но любила так, как любят только тех, кого потеряли слишком рано. Что бы сказала мать, если бы увидела её сейчас? Поняла бы? Благословила?

Александра не знала, но понимала другое: королева тоже когда-то носила этот кулон. Тоже стояла на балконе и смотрела на море. Тоже была принцессой, которую выдали замуж по расчёту. И может быть — кто знает — тоже мечтала сбежать.

Скрипнули снасти. Корабль качнулся. Где-то наверху раздался голос капитана:

— Отдать швартовы! Поднять паруса!

«Морской Конёк» отчаливал.

Александра прислонилась затылком к деревянной переборке и закрыла глаза. Теперь — только море. Только ветер. Только она сама.

Она не знала, куда попадёт. Не знала, что её ждёт через день, через неделю, через месяц, но это было уже не важно.

Важно было то, что она больше не фарфоровая кукла в чужой игре.

Она — беглянка.

И мир, каким бы он ни был странным и опасным, теперь принадлежал ей.

Задремала девушка под мерный скрип снастей и плеск волн впервые за много лет без страха перед завтрашним днём.

Завтрашний день, впрочем, готовил ей сюрприз. Оставалось ждать совсем недолго.

Глава 3

Пробуждение вышло не из приятных.

Сначала был звук. Грохот, треск, чей-то крик — высокий, оборванный на полуслове. Потом — удар. Корабль содрогнулся всем корпусом, ящики в трюме поехали в сторону, и Александру швырнуло на переборку. Она вскрикнула, но звук потонул в новом грохоте: наверху что-то падало, катилось, билось.

Девушка вскочила, цепляясь за ящик. В трюме было темно, только узкая полоска света пробивалась сквозь щели палубных досок. По этой полоске метались тени. Бегущие ноги. Взмахи рук. Что-то тяжёлое рухнуло прямо над головой, и с потолка посыпалась пыль.

Александра попятилась в угол. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно на весь трюм. Она не знала, что происходит, но догадывалась: пираты.

Кто ещё мог напасть на торговое судно средь бела дня?

Топот над головой стих. Крики тоже. Наступила тишина, и от этой тишины стало страшнее, чем от грохота, потому что теперь она слышала шаги. Медленные. Тяжёлые. Они приближались к люку.

Крышка распахнулась, и в трюм хлынул солнечный свет — резкий, слепящий. Александра зажмурилась, а когда открыла глаза, над ней уже стояли.

Их было трое. Один — молодой, почти мальчишка, с серьгой в ухе и лихорадочным блеском в глазах. Второй — огромный, как скала, с лысой головой и руками, способными переломить весло. Третий держался позади, и лица его она не разглядела — только силуэт.

— Глянь-ка, — присвистнул молодой. — Тут у нас крыса.

Он наклонился, схватил Александру за плечо и рывком поставил на ноги. Девушка не сопротивлялась — какой смысл? — но и не опустила глаз.

— Капитан велел всех на палубу, — буркнул здоровяк. — Давай, пошевеливайся.

Александру толкнули к лестнице, и она полезла, цепляясь за перекладины непослушными пальцами, чувствуя спиной взгляды.

Палуба «Морского Конька» выглядела так, будто по ней прошёлся шторм. Обломок мачты. Канаты, разбросанные как змеи. Лужа крови у штурвала или не крови, может, пролитого вина из разбитой бочки?

Торговый экипаж сбился в кучу у правого борта. Капитан стоял впереди — бледный, с разбитой губой, но прямой. Живой. Уже хорошо.

А вокруг были они.

Пираты.

Десятка полтора. Разномастные, как портовый сброд, но в том, как они двигались, чувствовалась дисциплина. Никто не грабил. Никто не тащил добычу. Все ждали. И Александре это не понравилось. Это значило, что их капитан — не просто головорез с саблей, а тот, кто умеет держать команду в кулаке, а значит не просто алчный, а очень опасный человек.

А потом она увидела его.

Мужчина стоял на носу корабля, спиной к ней, и смотрел на горизонт. Высокий. Широкие плечи, узкие бёдра. Тёмные волосы, собранные в низкий хвост, свободная льняная рубашка, тёмный жилет поверх. Никаких треуголок, никаких попугаев на плече. Только кинжал на поясе да бандана на голове — простая, выгоревшая, повязанная небрежно, как у всех моряков.

Александра не видела его лица, но видела, как вытянулись её товарищи по несчастью. Видела, как побледнел их капитан ещё сильнее, если это вообще было возможно. Видела, как замерли в ожидании пираты.

Этот человек был здесь главным.

Он повернулся.

Александра потом долго будет вспоминать этот момент. Вспоминать и пытаться понять, что именно она почувствовала.

Страх? Да, определённо.

Но не только. Что-то ещё. Что-то, от чего перехватило дыхание и похолодели пальцы.

Он был красив. Не той прилизанной красотой, к которой принцесса привыкла при дворе — Лоренцо с его холёным лицом и идеальной бородкой казался восковой куклой рядом с этим. Красота капитана была другой. Опасной. Хищной. Как у волка, который смотрит на тебя через поляну и решает, стоишь ли ты усилий.

Смуглая от солнца кожа. Резкие скулы. Прямой нос. Глаза — светлые, неожиданно светлые на таком лице, серые, как штормовое море, или бледно-голубые. Они смотрели на пленных, переходя от лица к лицу, и ни на ком не задерживались. Тонкий белый шрам пересекал левую скулу — единственный изъян на лице, которое иначе было бы слишком совершенным.

Капитан обвёл взглядом команду «Морского Конька» и остановился на Александре.

Девушка почувствовала этот взгляд почти физически, как прикосновение. Он смотрел на неё дольше, чем на остальных. Может быть, на секунду. Может быть, на две. Но ей показалось, что прошла вечность.

— Все здесь? — спросил он.

Голос был под стать внешности. Низкий, спокойный, без истерических нот. Он не кричал. Ему и не надо было.

— Все, кэп, — отозвался молодой пират, тот самый, что вытащил её из трюма. — Трюм пуст. Только эта вот крыса пряталась.

Он кивнул на Александру. Капитан сделал шаг к ней. Один шаг. Она заставила себя не попятиться. Главное — не показывать страх, потому что страх привлекает хищников.

Главарь остановился в двух шагах. Смотрел на девушку сверху вниз — она была ему едва по плечо. Смотрел и молчал. Потом спросил:

— Кто такая?

Александра заставила себя дышать ровно. Сейчас всё решалось. Одно неверное слово, и её выбросят за борт. Или оставят здесь, связанную, а корабль подожгут. Или придумают что-нибудь похуже. Она насмотрелась на пиратов в отцовском суде — тех, кого приводили в цепях перед казнью. Она знала, на что они способны.

Поэтому Александра ответила так, как должна была ответить служанка.

— Служанка. Сбежала от хозяев.

Позади кто-то из пиратов хмыкнул. Капитан не обернулся. Он смотрел на неё, и в его светлых глазах мелькнуло что-то похожее на интерес. Или ей показалось.

— Имя, — сказал он.

— Алекса.

Полуправда — лучше, чем полная ложь. Домашнее имя, которым её звала только мать. Никто при дворе его не знал. Никто не свяжет служанку с принцессой.

Капитан же продолжал смотреть, и Александра выдержала его взгляд. Не отвела глаза. Не опустила ресниц. Смотрела прямо, хоть внутри всё сжималось в ледяной ком.

Потом мужчина отвернулся — резко, будто потерял интерес.

— Рейнольд, — бросил он кому-то из команды. — Проверь груз. Что ценного — на борт. Команду не трогать. Судно не жечь. Пусть плывут дальше.

Пират, которого называли Рейнольдом, кивнул и принялся раздавать приказы. Команда зашевелилась, рассыпалась по палубе: кто в трюм, кто к снастям. Капитан отошёл к штурвалу, и Александра осталась стоять одна, всё ещё чувствуя на себе его взгляд, хотя он на неё больше не смотрел.

Принцесса выдохнула. Получилось. Она его убедила.

Или он просто не счёл её достойной внимания.

Девушка не знала, что из этого правда. Но знала другое: этот человек только что пощадил всех, кто был на «Морском Коньке». Не убил. Не покалечил. Не бросил в трюм для выкупа. Просто взял груз и ушёл.

Разве пираты так поступают?

Она ещё не знала, что этот вопрос будет преследовать её долгие недели. И что ответ на него окажется куда сложнее, чем просто «да» или «нет».

Пираты закончили погрузку быстро. Ящики с пряностями и шёлком перекочевали на борт их корабля — дау с треугольными парусами, того самого, что Александра видела из окна дворца. Красивый, быстрый, смертоносный.

Капитан уже стоял у фальшборта, готовый перешагнуть на свой корабль, когда вдруг остановился. Обернулся.

Его взгляд снова нашёл её.

На палубе «Морского Конька» было человек пятнадцать — команда, капитан, пара торговцев, что плыли пассажирами. Но он смотрел именно на неё. Будто остальных не существовало. Будто она одна стояла посреди разгромленной палубы, и всё, что было вокруг — обломки, лужи, испуганные люди, — не имело значения.

Она почувствовала этот взгляд кожей.

— Девчонку на борт.

Голос прозвучал спокойно, почти лениво, будто он приказывал забрать ещё один ящик с товаром.

Александра открыла рот, но не успела ничего сказать. Чья-то рука — тяжёлая, как кузнечный молот — легла ей на плечо. Рейнольд. Тот самый здоровяк с лысой головой.

— Зачем, кэп? — спросил он без особого интереса. — Готовка? Стирка? Для остального слишком неопытная и тощая.

— Посмотрим. Пока — в трюм.

— Эй! — Александра попыталась вырваться, но Рейнольд держал крепко. Не грубо, но так, что не выскользнешь. — Я тебе не вещь! Не смей меня трогать!

Капитан даже не обернулся. Он уже перешагивал на борт дау. Его тёмный жилет мелькнул в просвете между судами, и спустя секунду он исчез.

— Пошли, крыса, — буркнул Рейнольд и подтолкнул её к сходням. — Капитан сказал — в трюм. Значит, в трюм.

Она споткнулась. Кто-то из пиратов хохотнул. Другой присвистнул: «Гляди, какая боевая!»

Александра шла, чувствуя, как горят щёки. Её не обыскивали. Не шарили по карманам. Никто не коснулся её платья, не проверил, что там, под грубой льняной тканью.

Хотя кому нужна служанка? Что у неё может быть ценного? Пара медяков в кармане?

Золотая цепочка с гербом осталась лежать на груди — тёплая от тела, скрытая от чужих глаз.

Девушка спустилась в трюм по шаткой лестнице. Здесь было темнее, чем на «Морском Коньке», но чище. Деревянные переборки пахли солью и старым деревом, а не крысами. Ящики с награбленным стояли вдоль стен — их заносили следом. Кто-то бросил в угол старый парус.

— Сиди тихо, — сказал Рейнольд. — Капитан позовёт — выйдешь. Не позовёт — сиди. Поняла?

Она не ответила. Просто села на жёсткую ткань, обхватила колени руками и уставилась в стену.

Рейнольд хмыкнул и ушёл. Люк захлопнулся. Заскрипели снасти. Корабль качнулся.

Александра снова была в трюме.

Только теперь на пиратском корабле. В плену у человека, чьё имя она даже не знала. Который посмотрел на неё и решил, что она может пригодиться.

Или что-то заподозрил?

Она коснулась цепочки под платьем. Кулон был на месте. Маленький золотой дельфин, пронзающий волну. Если его найдут — всё кончено. Принцесса на пиратском корабле — это не просто пленница. Это выкуп. Или политический инструмент. Или и то, и другое сразу.

Александра закрыла глаза.

«Ты — служанка, — сказала она себе. — Ты — Алекса. Ты сбежала от хозяев. Ты никого не боишься».

Она повторила это трижды. На четвёртый раз почти поверила.

Где-то наверху хлопнул парус. Корабль лёг на новый галс. И дау Кассиана Бессмертного устремился в открытое море, увозя с собой девушку, которая ещё не знала, что этот день плена станет первым днём её настоящей свободы.

Глава 4

Трюм покачивало. Мерно, мягко — не то что на торговом судне, где каждый удар волны отдавался в днище глухим стоном. Этот корабль шёл ровно, как нож сквозь масло, и Александра, сама того не ожидая, задремала.

Разбудил её скрип люка.

Она вскинулась, ударилась затылком о переборку, зашипела от боли. Сверху лился свет — уже не яркий полуденный, а мягкий, золотистый, какой бывает ближе к закату.

Сколько она проспала? Час? Три? Полдня?

— Вылезай.

Голос был знакомый. Не Рейнольд. Тот парень, что вытащил её из трюма «Морского Конька», — молодой, с серьгой в ухе и вечно ухмыляющимся ртом. Он стоял наверху, уперев руки в бока, и смотрел на неё как на забавную зверушку.

— Капитан зовёт. Давай, пошевеливайся.

Александра поднялась, отряхнула юбку. Мышцы затекли, спина ныла, но она заставила себя идти ровно и расслабленно. Служанка не ходит с королевской осанкой. Служанка сутулится. Служанка смотрит в пол.

Но она не могла смотреть в пол. Ей нужно было видеть, что происходит вокруг.

Палуба встретила её ветром и светом. Солнце висело низко над горизонтом, красило волны в медь и золото. Дау шёл под всеми парусами — тремя треугольниками, что ловили даже слабый бриз, и от этого казалось, что корабль не плывёт, а летит над водой, едва касаясь гребешков волн.

Команда занималась своими делами. Кто-то драил палубу. Кто-то чинил канат. Кто-то просто сидел на бухте верёвки и точил нож. На неё косились, но без злобы. Скорее с любопытством. Девушка на пиратском корабле — не такая уж редкость, но обычно их брали по-другому и для другого. А эту капитан велел запереть в трюме. Странно.

Капитан стоял у штурвала.

Александра заметила его сразу, и тут же сделала вид, что смотрит куда-то в сторону. Нельзя показывать интерес. Нельзя первой начинать разговор. Служанка должна бояться. Служанка должна молчать, пока господин не спросит.

Но он не спрашивал, а стоял, положив одну руку на штурвал, и смотрел вперёд — туда, где солнце медленно сползало к воде. Ветер трепал его волосы, выбивая пряди из-под банданы. В этом свете он казался не опасным — другим. Усталым, может быть. Или просто задумавшимся.

— Подойди.

Девушка вздрогнула. Мужчина даже не обернулся, но каким-то образом знал, что она уже здесь.

Александра сделала несколько шагов и остановилась в паре метров от штурвала. Не слишком близко. Не слишком далеко. Ровно на той дистанции, на какой служанка стоит от хозяина.

Теперь он повернулся. Медленно, нехотя, будто отрывая взгляд от горизонта. Его светлые глаза остановились на ней, и девушка снова почувствовала этот взгляд. Оценивающий. Спокойный. Слишком внимательный для человека, который просто смотрит на служанку.

— Имя, — сказал он.

— Я уже говорила. Алекса.

— Алекса. — Он произнёс это медленно, пробуя звук на вкус. — А дальше?

— Что — дальше?

— У людей обычно бывает ещё какое-то имя. Отца. Или деревни, откуда родом.

— Не было отца. Деревни тоже нет. Выросла при замке. Стирала, убирала, подавала на стол. Потом хозяева решили продать меня одному купцу. Я не захотела. Сбежала.

Александра говорила быстро, чуть громче, чем нужно, — так, как говорят простолюдины, когда нервничают. Легенда была готова уже давно. Она прокрутила её в голове сотню раз, пока сидела в трюме «Морского Конька». Без деталей, которые можно проверить. Без имён, которые можно отследить. Только скелет.

Капитан слушал. Не перебивал. Не задавал уточняющих вопросов. Просто слушал, и от этого молчания ей становилось не по себе.

— Значит, служанка, — произнёс он наконец.

— Служанка.

— И что же ты умеешь? Готовить? Стирать? Зашивать паруса?

— Готовить умею. Стирать умею. Паруса... — Она запнулась. — Паруса шить не пробовала, но научусь.

Кассиан склонил голову к плечу. Жест был почти неуловимым, но она заметила. Он ей не верил. Или верил, но что-то его смущало. Что-то в ней было не так, и он пытался понять, что именно.

— Ладно, — сказал он после долгой паузы. — Рейнольд!

Здоровяк возник из ниоткуда — Александра даже не заметила, где он стоял.

— Кэп?

— Отправь её на камбуз. Пусть поможет Грете с ужином. Посмотрим, чего стоит твоя готовка.

Александра выдохнула. Незаметно, одними губами. Пронесло.

— И ещё, Алекса.

Она обернулась. Капитан смотрел на неё, и теперь в его глазах было что-то новое. Не угроза. Не интерес. Скорее... предупреждение.

— На моём корабле одно правило: не врать капитану. Тому, кто сойдёт, я отрезаю язык. У меня на камбузе как раз не хватает острого ножа. — Он сделал крошечную паузу. — Надеюсь, ты ничего не перепутала в своей истории.

Александра сглотнула, но глаз не отвела.

— Я ничего не перепутала, капитан.

Он кивнул — то ли удовлетворённо, то ли просто давая понять, что разговор окончен, и отвернулся к горизонту.

Александра пошла за Рейнольдом, чувствуя, как дрожат колени.

Камбуз оказался крошечной каморкой под кормовой надстройкой. Пахло рыбой, луком и чем-то подгоревшим. У очага стояла женщина — крупная, немолодая, с мощными руками, способными, казалось, свернуть шею быку. Увидев Александру, она хмыкнула:

— Новая?

— Капитан велел помочь с ужином, — буркнул Рейнольд и исчез, явно не желая находиться рядом с Гретой дольше необходимого.

Камбузная хозяйка оглядела Александру с ног до головы. Прищурилась:

— Готовить-то умеешь?

— Умею, — ответила Александра и уверенно взяла нож, но уже спустя полчаса выяснилось, что она не умеет ничего.

Картошка, которую девушка почистила, была обстругана так, что от неё осталась половина. Лук она нарезала кольцами вместо кубиков. Рыбу попыталась выпотрошить, но её затошнило, и Грета, чертыхнувшись, отобрала нож.

— Ты где служанкой-то работала, а? — проворчала она. — В королевском дворце, что ли, где за тебя всё повара делают?

Александра покраснела и не ответила.

К вечеру, когда ужин был кое-как готов, она выползла на палубу — уставшая, пропахшая рыбой, с мозолью на указательном пальце от ножа. Матросы сидели кружками, ели из мисок, перебрасывались шутками. Один — тот самый молодой, с серьгой — подмигнул ей:

— Ну как камбуз, крыса? Не сахарно?

Она прошла мимо, не ответив.

Капитан стоял у борта, отдельно от всех. Ел из миски, глядя в темнеющее море. Она хотела подойти, спросить что-нибудь — что угодно, лишь бы разбить эту стену неизвестности между ними, — но передумала.

Не сейчас. Сначала нужно понять, кто он. Чего он хочет. И что он уже понял про неё.

Александра спустилась в каюту, которую ей определили — крошечную, без иллюминатора, с жёсткой койкой. Легла, не раздеваясь, и устала в потолок.

Цепочка с гербом всё ещё была на месте. Тёплая. Надёжная.

«На моём корабле одно правило: не врать капитану».

Она уже соврала. И нож на камбузе был очень, очень острым.

Но почему-то ей казалось, что угроза насчёт языка была не самой страшной. Страшнее было другое: этот человек смотрел на неё так, будто видел насквозь. Будто знал, что она — не та, за кого себя выдаёт. И ждал, когда она сама в этом признается.

Чего он ждёт на самом деле? И что будет, когда он узнает правду?

С этими мыслями она заснула — под мерный скрип снастей и далёкий голос вахтенного, отсчитывающего склянки.

А наутро всё повторилось. Камбуз. Картошка. Лук. Попытка не порезаться. Грета, которая вздыхала так, что задувала огонь в очаге. Матросы, которые уже привыкли к странной девочке и почти не обращали на неё внимания.

И капитан, который не сказал ей больше ни слова за весь день, но чей взгляд она чувствовала спиной каждый раз, когда выходила на палубу.

Он наблюдал. И ждал.

Чего именно — Александра пока не знала.

Глава 5

Прошло четыре дня. Александра начала привыкать.

Это пугало её больше всего — не качка, не грубые матросы, не вечно недовольная Грета, а именно это: она начала привыкать. К запаху соли и рыбы. К тому, что руки больше не пахнут лавандовым мылом. К тому, что волосы приходится заплетать на ощупь, без зеркала, и прятать под косынку, потому что иначе ветер превращает их в колтун.

К тому, что утром её будит не камеристка с поклоном, а боцманский свисток и крик: «Подъём, сони, солнце уже паруса греет!»

К тому, что вместо душистой воды в купальне теперь были лишь ведро и клочок грубой парусины, который был слишком жёстким для нежной кожи.

Она даже к мозолям привыкла. Первый появился на указательном пальце — там, где рукоятка ножа натирала кожу. Потом ещё один, на ладони, от верёвки, которую она пыталась смотать правильно, а не как в первый раз, когда Рейнольд посмотрел на узел, хмыкнул и ничего не сказал, но в этом молчании было столько презрения, что девушка потратила весь вечер, тренируясь на обрывке каната.

Камбуз, впрочем, оставался её главным полем боя. И она проигрывала его с разгромным счётом.

— Ты рыбу не чистишь, а убиваешь ее второй раз, — причитала Грета, заглядывая через плечо. — Кости оставляешь, шкуру срезаешь с мясом, соли сыплешь столько, что потом команда будет пить воду до вечера. Ты уверена, что работала на кухне?

— Я помогала. Подавала. Накрывала на стол, — отвечала Александра, не поднимая глаз.

— Подавала она, накрывала... Знаю я таких подавальщиц. Стоят в уголке, глазками хлопают, а работа стоит.

Александра стиснула зубы и продолжала чистить злосчастную рыбу. Она действительно видела, как это делают повара, — много раз заходила на дворцовую кухню, когда была ребёнком, смотрела, как работают мастера. Но смотреть и делать — разные вещи. У поваров рыба сама ложилась под нож, а у неё выскальзывалась, разваливалась, крошилась в пальцах.

Но Александра не сдавалась. Это было делом принципа. Если она не сможет освоить даже чистку рыбы, как она проживёт новую жизнь? Как докажет себе, что она не фарфоровая кукла, какой её считал Лоренцо?

К вечеру пятого дня Грета сжалась — или просто устала переделывать — и отправила её на палубу, раздать ужин команде. Александра взяла стопку мисок, балансируя, поднялась по трапу и вышла на свежий воздух.

Солнце уже садилось, и небо на западе горело алым и оранжевым. Ветер утих, и дау шёл мягко, почти без качки. Команда собралась на корме — кто сидел на бухтах канатов, кто прямо на палубе, скрестив ноги. Увидев Александру с мисками, одобрительно загудели. Молодой парень с серьгой — она уже знала, что его зовут Нико, — протянул руки:

— Давай, крыса, неси. Что там сегодня? Опять рыба? Или Грета сжалась и зарезала кого-нибудь из команды?

— Рыба, — коротко ответила Александра.

— Скучно. А ты умеешь мясо готовить? Крыса-то ест мясо?

— Я не крыса.

— Ну да, ну да. Алекса. Странное имя. Южное?

Она не ответила. Раздала миски и отошла к борту. Есть не хотелось. Хотелось просто стоять и смотреть на закат — хотя бы десять минут тишины, пока команда занята ужином.

Капитан, как всегда, стоял отдельно. Она заметила его краем глаза у штурвала, с миской в руке. Он не садился, не присоединялся к команде. Всегда один. Всегда на ногах. Она уже

поняла, что это не высокомерие, а привычка или необходимость. Он держал дистанцию. От всех.

Она до сих пор не знала его имени. Команда звала его «кэп» или «капитан». В порту, как она слышала краем уха, его называли Кас. А ещё — Бессмертный. За что — она не знала, но прозвище это звучало зловеще. И он, кажется, его не любил.

Сегодня он выглядел усталым. Под глазами залегли тени, движения были более резкими, чем обычно. Он почти не притронулся к еде — просто держал миску, забыв о ней.

Александра не знала, что с ним, но заметила это сразу, как заметила и то, что он ни разу не сошёл на берег в том порту, где они пополняли припасы. Другие ходили, а он оставался на борту. Почему?

Она отогнала эти мысли.

Какое ей дело до капитана?

Он её пленил. Угрожал отрезать ей язык. Он — единственная причина, по которой она сейчас здесь, а не на пути к нормальной жизни в каком-нибудь тихом портовом городке.

Но всё равно девушка смотрела на него чаще, чем следовало. И он, кажется, тоже смотрел на неё.

Вечером, когда команда разошлась и на палубе остались только вахтенные, Александра спустилась в свою каюту. Крошечная каморка без иллюминатора стала почти уютной за эти дни. Она расстелила одеяло, поправила тощий узелок с вещами и уже хотела лечь, когда вспомнила про кулон.

Она носила его не снимая, но сегодня цепочка натёрла кожу, и ей нужно было поправить застёжку. Она расстегнула ворот платья, вытащила цепочку и поднесла кулон к слабому свету масляной лампы.

Маленький золотой дельфин, пронзающий волну. Семейный герб Южного королевства. Если кто-то увидит — всё кончено.

Александра сжала кулон в ладони. Закрыла глаза. Перед мысленным взором встало лицо матери — то, каким она его помнила: размытое, как старый портрет, но всё равно прекрасное. Мать тоже носила этот кулон. Говорили, что она не снимала его даже в последний день. Даже когда лихорадка сжигала её изнутри, цепочка оставалась на шее — тонкая, золотая, тёплая от жара.

Лихорадка. Или не лихорадка? Лоренцо сказал: «У её матери было слабое здоровье». Что, если...

За дверью раздались шаги. Тяжёлые. Мужские.

Александра вздрогнула, спешно спрятала кулон и запахла ворот. Дверь не открылась, шаги прошли мимо, стихли в конце коридора. Она перевела дыхание. Показалось. Просто кто-то из команды шёл к себе.

Или не показалось?

Александра вздохнула, прогнала дурные мысли и, задув лампу, легла. Сон не шёл. Ей всё казалось, что за дверью кто-то стоит. Она прислушивалась, но слышала только скрип снастей и плеск волн.

Море убаюкивало, но тревога не уходила.

Глава 6

Десятый день на корабле начался с дождя.

Александра проснулась оттого, что где-то над головой, по палубе, забарабанили тяжёлые капли — сначала редкие, потом всё чаще, чаще, и через минуту дождь уже стучал сплошным потоком, как будто небо решило вылить на них всю воду, что скопилась над Южным морем за долгие жаркие недели. Девушка села на койке, прислушалась. Дождь — это хорошо. Дождь — это пресная вода.

На палубе уже гремели вёдрами. Александра слышала, как матросы перекрикиваются, как Нико орёт что-то про бочку, которая сейчас переполнится, как Рейнольд рычит, чтобы не выплёскивали на ветер.

Жизнь на корабле подчинялась своим законам, и один из них гласил: когда льёт с неба, надо ловить каждую каплю. Потому что неизвестно, когда будет следующая.

Александра выбралась из каюты, кутаясь в шерстяной платок, который ей выдала Грета, — единственная тёплая вещь в её скудном гардеробе. Платок был старый, с вытертым краем и запахом рыбы, но грел.

Поднявшись по трапу, она на секунду замерла у выхода, потому что дождь был не просто сильный, а какой-то неистовый, тропический, хлеставший так, будто каждая капля весила вдвое больше обычного.

Но матросы не прятались. Они носились по палубе босиком, подставляли лица, хохотали. Дождь смывал с них соль и пот, и Александра вдруг поняла, что хочет того же. Просто стоять под ливнем, и пусть вода течёт по волосам, по плечам, по спине, забирая всё — усталость, страх, грязь и воспоминания о Лоренцо, о дворце, о той, кем она была и кем больше не будет. Пусть смоем.

Она шагнула вперёд из-под навеса.

Вода обрушилась на неё — тёплая, почти горячая после нагретой солнцем палубы, и она засмеялась. Впервые за много дней. Просто стояла и смеялась, чувствуя, как вода течёт по лицу, по шее, за ворот платья, и ей было всё равно.

Краем глаза девушка заметила Нико. Тот сидел на корточках у мачты, выжимал волосы и смотрел на неё с ухмылкой.

— Гляди-ка, крыса умеет смеяться! — крикнул он сквозь шум дождя. — Я думал, ты у нас сушёная рыба, а ты, оказывается, живая!

Она показала ему язык. Жест был совершенно не королевский. И от этого — прекрасный.

Но дождь кончился так же внезапно, как начался. Через четверть часа небо расчистилось, выглянуло солнце, и палуба задышала паром. И почти сразу же навалилась духота — влажная, тяжёлая, какая бывает только в тропиках после ливня. Одежда липла к телу, волосы висели сосульками, и Александра поняла: она хочет помыться. По-настоящему.

Проблема была в том, что на корабле не было купальни.

Она выяснила это ещё в первый день. Грета, когда Александра задала ей этот вопрос, расхохоталась так, что у неё чуть миска из рук не выпала.

— Купальня? — переспросила она, вытирая слёзы. — Ты, милочка, во дворце, что ли, жила? Какая купальня на корабле? Вон ведро, вон верёвка. За бортом — целое море. Мойся, не ленись.

Мыться забортной водой. Легко сказать...

Первые дни Александра просто обтиралась мокрой тряпкой в своей каюте. Этого хватало, чтобы не чесаться, но недостаточно, чтобы чувствовать себя чистой. Солёная вода оставляла на коже белёсый налёт, волосы становились жёсткими и непослушными, и она с тоской вспо-

минала мраморную ванну во дворце, горячую воду и лавандовое масло, которое камеристка втирала ей в плечи после долгих церемоний.

Теперь вместо лавандового масла был кусок серого мыла, пахнувшего золой. Вместо горячей воды — ведро, поднятое из-за борта. Вместо камеристки — она сама.

Но сегодня, после дождя, когда вся команда вымокла и переодевалась, она решилась. Дождалась, пока матросы разойдутся по делам, взяла ведро и пошла на корму, где её почти не было видно из-за снастей. Место было укромное, но не настолько, чтобы девушка чувствовала себя спокойно.

Александра разделась до рубашки. Набрала воды. Зажмурилась. И вылила ведро на себя.

Вода была тёплая от недавнего дождя и солнца. Она стекала по плечам, по спине, и это было почти приятно, если бы не липкая солёная плёнка, которая оставалась на коже. Александра торопливо намылилась, стараясь не думать о том, что в любой момент кто-то может завернуть за угол. Смыла пену. И, уже одеваясь, услышала шаги.

Она замерла с платьем в руках.

Из-за снастей вышел Нико. Увидел её — мокрую, в прилипшей к телу рубашке, с перепуганным лицом, — и присвистнул.

— Ого! А я-то думал, чего это крыса прячется?

— Отвернись! — выдохнула она, прижимая платье к груди.

— Да ладно тебе, — он ухмыльнулся, но всё-таки отвернулся. — Я ж ничего не вижу. И вообще — ты бы предупреждала, когда моешься. А то люди ходят, пугаются.

— Это вы меня пугаете! — Она натянула платье, путаясь в рукавах, и завязала пояс дрожащими пальцами. — Здесь есть хоть какое-то уединение на этом корабле?

— Уединение? — Нико обернулся и посмотрел на неё как на безумную. — Ты на пиратском судне, милочка. Тут уединение только у капитана в каюте. И то, если он в настроении.

Александра закусила губу. От стыда горели не только щёки, но и шея, и уши, и даже, кажется, кончики пальцев. Она схватила ведро и пошла прочь, слыша за спиной тихий смех.

Но самое неприятное ждало её не в этот момент. И даже не вечером, когда Грета снова ругала её за неправильно почищенную рыбу. И не на следующее утро, когда она опрокинула миску с кашей прямо на палубу, и команда встретила это дружным хохотом.

Самое неприятное происходило незаметно. В мелочах. В том, как она держала ложку — тремя пальцами, а не всей горстью. В том, как она сидела — с прямой спиной, даже когда уставала. В том, как она машинально вытирала край кружки, прежде чем налить в неё воду. В том, как она говорила — иногда, забываясь, она произносила слово слишком правильно, слишком чисто, не так, как говорят простолюдины.

Она не замечала этого, но замечали другие.

Грета, прищурившись, спросила как-то: «Ты, девка, точно служанка? Уж больно руки у тебя гладкие для прачки».

Нико как-то бросил: «Ты когда злишься, у тебя такое лицо делается, будто ты сейчас стражу позовёшь».

Даже Рейнольд, который вообще редко говорил, однажды заметил: «Ты ешь, как баронесса».

Она отшучивалась, но внутри у неё всё сжималось.

А капитан смотрел.

Он почти не разговаривал с ней после того первого допроса. Не подзывал, не расспрашивал, не обращался. Но Александра всё время чувствовала его присутствие.

Когда раздавала ужин, она знала, что он стоит у штурвала и смотрит. Когда возилась с верёвкой, пытаясь завязать правильный узел, она знала, что он стоит у борта и смотрит. Когда она смеялась под дождём, он был там — на корме, в тени паруса, и смотрел.

Он ничего не говорил. Не делал замечаний. Не задавал вопросов. Просто наблюдал.

И от этого молчаливого наблюдения ей становилось страшнее, чем от криков Греты и шуток Нико. Потому что Грета и Нико видели в ней просто странную девчонку, а он — девушка чувствовала это — видел что-то ещё. И ждал, когда она сама это покажет.

Вечером, укладываясь спать, Александра снова коснулась цепочки на шее. Кулон был на месте. Тёплый, золотой, надёжный. Последнее, что связывало её с прошлой жизнью.

«Я служанка, — повторила она про себя. — Я Алекса. Я никто».

Но с каждым днём эта ложь звучала всё тише, а правда подбиралась всё ближе. Медленно, как прилив. Неотвратно, как Мёртвые Бури, к которым они плыли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.